

УДК 39(091)

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ БЕЗ НОСИТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМА
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В
СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**
**HISTORICAL MEMORY WITHOUT BEARERS: THE PROBLEM OF
CONTINUITY OF TRADITIONAL VALUES IN CONTEMPORARY
SOCIETY**

Файзрахманова Лилия Рафаеловна
преподаватель факультета среднего профессионального образования
Казанского кооперативного института
(Российский университет кооперации, г. Казань)
Fayzrakhmanova Liliya Rafaylovna
Teacher of the Faculty of Secondary Vocational Education
at the Kazan Cooperative Institute (Russian University of Cooperation,
Kazan)

Аннотация: В статье анализируется ситуация «исторической памяти без носителей», когда формальное знание о прошлом сохраняется, но ослабевает живая передача ценностей и смыслов от старших к младшим. Опираясь на свой педагогический опыт и результаты опроса 300 подростков 14–18 лет, автор показывает, что основная трудность связана не с полным отрицанием исторической памяти, а с тем, что традиционные ценности чаще транслируются в монологическом и формальном формате, который молодежь воспринимает как неубедительный. Представлены эмпирические данные о дефиците «значимого носителя» в окружении части подростков и о предпочтительных формах обсуждения ценностей. Предлагаются практические меры для колледжа/вуза: технология «Диалог поколений», возвращение смыслов через классику и проектные формы сохранения памяти.
Ключевые слова: историческая память; преемственность поколений; традиционные ценности; культурный код; патриотическое воспитание; диалог поколений; молодежь; образовательная среда.

Abstract: The paper addresses the risk of “historical memory without bearers”, when knowledge about the past remains institutionalized but intergenerational transmission of values weakens. Based on a teaching experience and a survey of 300 adolescents aged 14–18, it argues that the main barrier is not a total rejection of memory but ineffective communication formats. Survey results show a deficit of accepted role models (“bearers”) for a part of adolescents and a strong preference for dialogue and personal stories. The paper proposes practical measures for colleges

and universities: intergenerational dialogue, classic literature as a value bridge, and project-based memory practices.

Keywords: historical memory; intergenerational continuity; traditional values; cultural code; patriotic education; intergenerational dialogue; youth; education.

*«Человек без памяти — это человек без будущего»
М. А. Шолохов*

В профессиональной педагогической практике литература неизбежно выходит за рамки «предмета»: обсуждая произведения, мы обсуждаем выбор человека, его верность, милосердие, честь, долг и ответственность. Однако за последние годы всё отчетливее проявляется тенденция: значительная часть подростков не воспринимает привычный формат передачи традиционных ценностей. Согласно результатам опроса, разговоры взрослых о памяти и патриотизме воспринимаются как формальные, а иногда как нравоучительные. Это не означает, что молодые люди не способны к сочувствию или справедливости; скорее, они не принимают монологическую форму «так надо» и не связывают исторические сюжеты с личным смыслом.

Нередко обсуждение ценностей и исторических смыслов в школе и колледже выстраивается по схеме «взрослый объясняет — подросток усваивает», где от обучающихся ожидается согласие, а не осмысление. Практика показывает, что такой подход часто даёт обратный эффект: тема признаётся «правильной», но остаётся внешней и не становится частью собственной жизненной позиции. В результате возрастает риск так называемой «исторической памяти без носителей»: память продолжает существовать в учебных программах, памятных датах и медиаматериалах, но не превращается в личный опыт и внутреннюю опору молодого поколения [1].

Возникает проблема утраты «носителей» ценностей — людей, через которых ценности передаются не лозунгами, а живым примером и семейной традицией.

Цель статьи — показать, какие риски несёт ослабление живой преемственности традиционных ценностей, и предложить педагогически реализуемые пути сохранения исторической памяти в образовательных учреждениях.

Русская литература уже фиксировала «разрыв смыслов» между поколениями. В середине XIX века нигилизм воспринимался как отрицание авторитетов, традиций и культурных опор. В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» эта позиция звучит в словах Базарова: «Мы действуем в силу того, что признаём полезным; в настоящее время полезнее всего отрицание — мы

отрицаем». Важно, что речь идет не только о споре характеров, но о социальном симптоме: старшие и младшие не совпадают в языке, опыте и критериях смысла [2].

В сюжете романа хорошо видно, в чём риск: одно только отрицание не создаёт новых ценностей. Если старые традиции разрушить, но не предложить взамен понятные и ориентиры, соответствующие эпохе, получится не обновление, а пустота. Поэтому урок нигилизма для современности состоит в том, что конфликты поколений неизбежны, но опасными они становятся тогда, когда исчезает диалог и преемственность.

Ф. М. Достоевский формулирует это предельно жестко: «Отрёкшись от прошлого, мы отрекаемся и от будущего». Если прошлое перестаёт быть моральным ресурсом, размываются основания для ответственности и служения. А без нравственных оснований, как напоминал тот же Достоевский, «ни одно общество существовать не может» [3].

Современное молодое поколение не столько отрицает историю напрямую, сколько часто не принимает привычный «взрослый» формат разговора о ней.

Для уточнения выявленной проблематики проведено эмпирическое исследование в форме анкетного опроса подростков 14–18 лет. Опрос осуществлялся среди обучающихся школ и колледжей различных образовательных организаций, расположенных в ряде городов Российской Федерации, в том числе в городах Казани, Альметьевске и Елабуге (Республика Татарстан), Уфе и Туймазах (Республика Башкортостан), а также в Москве. Общий объём выборки составил N=300. Опрос носил добровольный и анонимный характер; сбор данных осуществлялся в период с 26 по 28 января 2026 года в онлайн-формате. Инструментарий включал структурированную анкету, содержащую вопросы о личной связи с историей, семейных практиках передачи памяти, восприятию традиционных ценностей и предпочтительных форматах обсуждения ценностных тем. Обработка данных выполнена методами описательной статистики (частоты, доли/проценты). В целях соблюдения анонимности наименования конкретных образовательных организаций не указываются.

Результаты опроса показали, что подростки 14–18 лет остро реагируют на неискренность и давление: когда ценности звучат как набор «правильных слов» без права на вопрос, возникает внутреннее отторжение — в этом есть рифма с нигилистическим механизмом XIX века, когда спор идёт не только о смысле, но и о способе его предъявления. При этом опрос показывает, что историческая память для многих остаётся внешней: лишь 28,8% подростков чувствуют сопричастность и гордость, тогда как большинство выбирает варианты «иногда», «редко» или вовсе не ощущает связи с историей. Это

означает, что прошлое воспринимается как информация, а не как часть собственной идентичности, и именно поэтому возрастает риск «исторической памяти без носителей».

Рис. 1. Оценка подростками формата разговора взрослых о традиционных ценностях, N=300

Также полученные эмпирические данные подтверждают этот разрыв формы и содержания. В проведенном опросе на вопрос (см. рис. 1) о том, насколько подросткам понятен и близок формат, в котором взрослые говорят о традиционных ценностях, 35,3% отметили, что он полностью понятен и интересен, а 40,0% — что понятен, но не всегда интересен. Одновременно 10,7% воспринимают такие разговоры как формальные, 6% — как нравоучение, 8% — как не вызывающие интереса. То есть почти четверть аудитории оказывается в зоне коммуникативного отчуждения, когда тема не превращается в личный смысл.

Показательно, что подростки демонстрируют запрос на иные формы общения о смыслах. В вопросе (см. рис 2) о предпочтительных форматах обсуждения жизненных ценностей (множественный выбор) лидируют живой диалог (60,0%), личные жизненные истории (49,7%), обсуждение реальных жизненных ситуаций (36%) и встречи с интересными людьми (32,3%). Цифровые форматы выбираются реже: короткие ролики — 21%, видеоконтент — 17,7%. Следовательно, цифровая среда может выступать «входом» в тему, но ключевой механизм передачи ценностей остаётся человеческим.

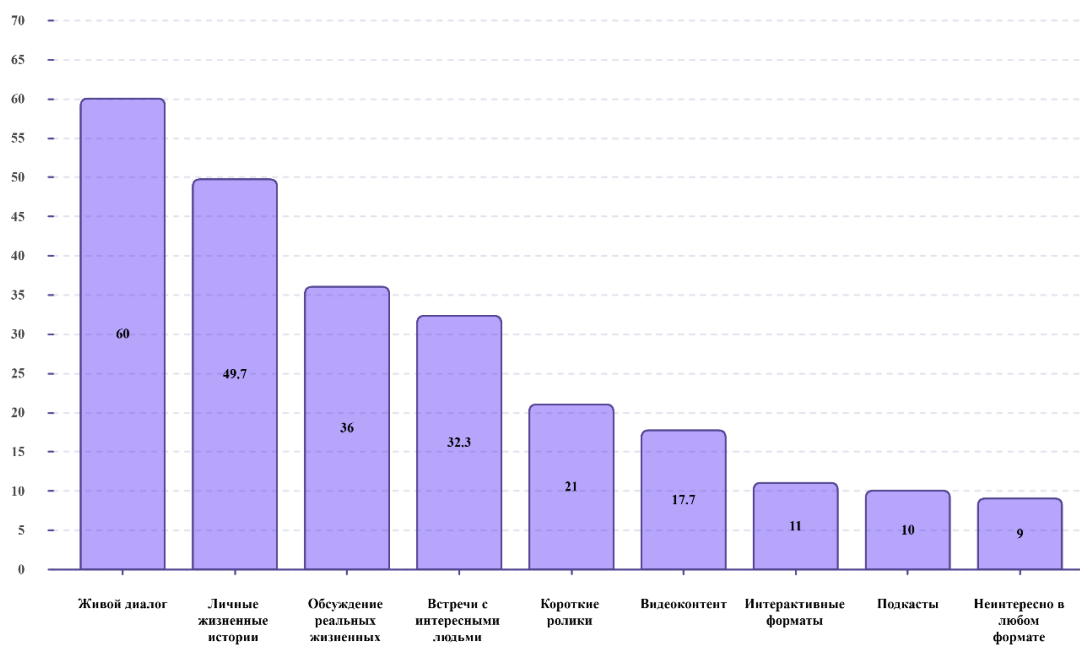

Рис. 2. Предпочтительные форматы обсуждения жизненных ценностей (множественный выбор), N=300

**Примечание: сумма процентов превышает 100%, поскольку в вопросе допускался множественный выбор.*

В 1980-е годы в отечественной образовательной и культурной среде традиционные ценности транслировались не как набор отдельных «воспитательных мероприятий», а как часть повседневных социальных практик. Они транслировались прежде всего через пример родителей и старших, через устойчивые практики детского сада и школы, через песни, сказки, мультфильмы, общие для поколения культурные сюжеты. Это не выглядело как назидание: ценности «жили» вокруг нас, поэтому многие установки действительно «впитывались с молоком матери» — как норма о семье, труде, уважении к старшим и ответственности перед Родиной.

Ситуация принципиально изменилась у поколения нынешних родителей подростков 14–18 лет — тех, кто вырос в эпоху перестройки и последующих 1990-х и 2000-х. Их социализация пришлась на период резких культурных и экономических перемен, когда повседневная «ценностная инфраструктура» ослабла, а исторические сюжеты нередко становились предметом внешних влияний, пересмотров и упрощений. Разговор о традиционных ценностях во многих семьях перестал быть системным, а школа и медиа утратили единый воспитательный язык. Это подтверждается и эмпирически: по данным опроса подростков (см.рис.3), 36,3% респондентов отмечают, что дома историю страны и судьбы предков обсуждают очень редко или практически никогда.

Такая “пауза” в семейной коммуникации означает, что семья всё чаще перестаёт быть средой живой памяти и преемственности. В результате значительная часть родителей-«миллениалов» объективно не располагает тем устойчивым набором практик и культурных форм, через которые ценности передаются подросткам как естественная часть жизни, а не как набор правильных слов.

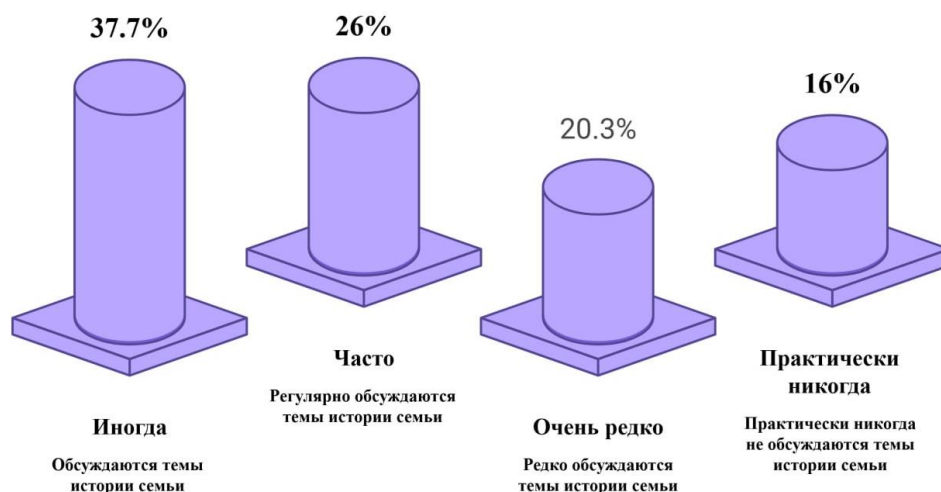

Рис. 3 — Историю страны и судьбы предков обсуждают редко, N=300

Именно поэтому сегодня проблема преемственности связана не столько с отсутствием деклараций о ценностях, сколько с утратой живых носителей и привычных способов передачи. Когда у подростка нет убедительного примера в ближайшем окружении, а разговор о ценностях звучит как формальная речь, ценности перестают восприниматься как жизненная норма и остаются внешней информацией.

Ключевой индикатор риска «памяти без носителей» — отсутствие в окружении человека, которого подросток считает носителем традиционных ценностей и культурного кода и готов брать с него пример. По данным опроса (см. рис. 4) 45,3% указали такого человека в семье, 26,0% — вне семьи (педагог, наставник и др.). Однако 16,8% сообщили, что таких людей рядом нет, а 11,9% отметили, что «носитель есть, но не воспринимается как личный пример». Таким образом, 28,7% подростков находятся в зоне дефицита принятого «живого проводника» ценностей.

Социальные последствия утраты носителей проявляются в размывании идентичности, ослаблении доверия и солидарности, снижении мотивации служения и гражданской ответственности. Здесь уместно напоминание Достоевского: «Без нравственных основ ни одно общество существовать не

может». Педагогическая задача — не только сообщать о ценностях, но и обеспечивать условия их живой передачи.

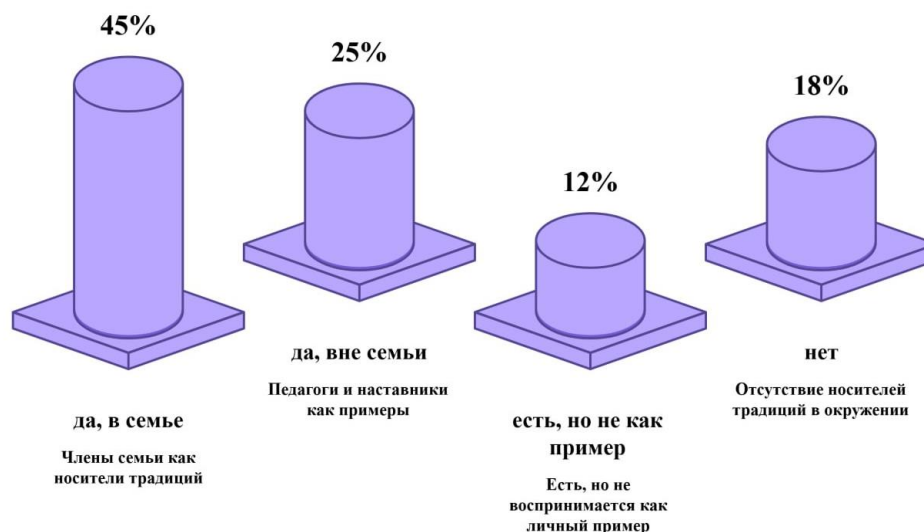

Рис. 4 — Наличие в окружении носителя традиционных ценностей и культурного кода, N=300

Опыт преподавания показывает: формальное «сообщение правильных слов» не приводит к внутреннему принятию ценностей. А. П. Чехов точно сформулировал педагогический принцип: «Воспитывать нужно не словами, а примером». Следовательно, ключевое направление — возвращение в образовательную среду живых носителей опыта и создание формата уважительного диалога.

Во-первых, необходимо осмысленное преподавание истории и литературы. В курсах литературы есть уникальная возможность обсуждать нравственный выбор на безопасной художественной дистанции: что сделал герой, почему, каковы последствия. Такой разговор мягко выводит к темам долга, чести и служения — без давления и лозунгов. Именно здесь классика становится мостом между поколениями и языком, который подростки готовы воспринимать.

Во-вторых, востребована технология «Диалог поколений» на базе среднего и высшего образования. Она предполагает регулярные встречи с представителями старшего поколения (ветераны труда, общественные деятели, предприниматели-созидатели, наставники), где центральным становится личный опыт и ситуации нравственного выбора. Принципиально важно, чтобы гость не занимал позицию «наставника сверху», а говорил языком личной истории — как конкретные ценности (ответственность, честность, долг, служение) помогали ему принимать решения и не отступать

от совести. Эта логика совпадает с предпочтениями подростков: по данным опроса) 60,0% участников выбирают формат живого диалога, 49,8% — личные жизненные истории, 37,5% — обсуждение реальных жизненных ситуаций (см. рис. 2). Таким образом, технология «Диалог поколений» отвечает не абстрактным пожеланиям педагогов, а эмпирически зафиксированному запросу молодежи на равноправное обсуждение и “ценности в действии”, что делает её эффективным инструментом профилактики «исторической памяти без носителей».

В-третьих, цифровая среда должна использоваться педагогически. Короткий видеоролик уместно рассматривать как приглашение к разговору о памяти: он привлекает внимание и задаёт эмоциональный вход, после чего смысл закрепляется обсуждением и проектной деятельностью. Проектные форматы (интервью со старшими, семейные истории, краеведческие маршруты, цифровые выставки) превращают подростков из пассивных слушателей в соавторов памяти и носителей культурного кода.

Проведённый анализ и результаты опроса показывают: риск «исторической памяти без носителей» в молодёжной среде реален и измерим. Почти каждый третий подросток либо не видит рядом значимого носителя ценностей, либо не готов воспринимать его как пример. При этом большинство подростков не отрицает важность ценностей, но требует иных форм общения — диалоговых, человеческих, основанных на истории жизни.

Общество, утратившее живую преемственность, становится уязвимым: оно теряет общие смыслы, способность к солидарности и ответственность за будущее. Поэтому задача педагогов и всех взрослых — восстановить доверительный межпоколенческий разговор и вернуть ценности в повседневные практики, опираясь на классику, личный пример и совместные проекты. В конечном счёте ответственность настоящего — это ответственность перед будущим.

Список литературы

1. Петров А. В. Историческая память как совокупность ценностных ориентаций и действий социума (обзор) // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 267–271. [Электронный ресурс]. URL: <https://sciencejournals.ru/view-article/?a=Vestnik2003014Petrov&j=vestnik&n=3&v=90&y=2020>.

2. Тихонова Н. Е. Национальный культурный код: морально-нравственные нормы как элемент культурного кода россиян // Вестник Института социологии. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/1080>.

3. Бабосов Е. М. Культурный код — основной фактор сопряженности исторической памяти и национальной идентичности // (русская научная

электронная библиотека) CyberLeninka. 2022. [Электронный ресурс]. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-osnovnoy-faktor-sopryazhennosti-istoricheskoy-pamyati-i-natsionalnoy-identichnosti>.